

ОТЗЫВ ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА
о диссертации Тоноян Марии Нельсоновны
« КАЛЕНДАРНО-ВРЕМЕННАЯ ЛЕКСИКА ВОСТОЧНЫХ ДИАЛЕКТОВ
ХАНТЫЙСКОГО ЯЗЫКА И ЮЖНЫХ ДИАЛЕКТОВ СЕЛЬКУПСКОГО
ЯЗЫКА В СОПОСТАВИТЕЛЬНОМ АСПЕКТЕ»,
представленной на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Специальность 10.02.20 – Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание. Томск, 2014.

Диссертация Марии Нельсоновны Тоноян имеет своим предметом календарную лексику и названия единиц времени от времен суток до годового солнечного цикла, то есть года. Работа на подобные темы ожидаема, поскольку современные исследователи, особенно принадлежащие к младшим поколениям, проявляют пристальное внимание к когнитивным проблемам на материале языков малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока России, активно интересуются особенностями мировосприятия и построения картины мира, стремятся собрать собственный материал буквально у последних носителей исчезающих на глазах языков и диалектов. **Актуальность темы** данной работы мы определили бы так: она связана с тотальной неразработанностью проблемы счета времени, счета сезонов, а также и структурирования астрономического и природного (фенологического) годового цикла у народов Сибири. Специальные исследования на эти темы буквально единичны, а источники, в основном письменные, относящиеся к XVIII-началу XX веков, дают незначительный объем материала по столь важной проблеме, значимой как для структуры лексического фонда в формальном и семантическом аспектах, так и для членения и темпоральной организации явлений хозяйства. Кроме этого, календарная и темпоральная лексика крайне интересны в лингвокультурном плане: на этих группах слов отражается история этноса и этнической культуры, в том числе процессы этнической дифференциации (ср., напри мер, *час* и *время* в славянских языках) и здесь на любом материале главная проблема – адекватно определить типологическую характеристику лексической системы. Если говорить о **научной новизне** результатов диссертационной работы М.Н.Тоноян, здесь надо отметить новые материалы по недостаточно известным и далеко не полностью изученным диалектам, интеграцию описанной автором лексики в описание словообразовательных средств хантыйского и селькупского языков, отчасти этимологические исследования лексики. **Теоретическая значимость** труда М.Н.Тоноян связывается с привлечением мощного современного аппарата семантики, когнитивной лингвистики, теоретически фундированного словообразования к описанию фрагментов лексических систем языков хантов и селькупов и отдельных сегментов их картины мира. **Практическая ценность** собранных материалов и исследовательских составляющих диссертации М.Н.Тоноян заключена в возможности использования систематизированной календарной и темпоральной лексики при подготовке учебных пособий на диалектах хантыйского и селькупского языков – учебников для начальной школы, пособий для детского сада, разговорников, изданий, призванных поддерживать исчезающие языки. **Личный вклад** диссертантки в разрабатываемую проблему –

это собственные полевые материалы, работа с архивными материалами (имеются соответствующие ссылки), и приоритет в разработке темы на материале хантыйского языка и, вероятно, самодийских языков, поскольку мы не знаем аналогичных работ по ненецкому языку и другим самодийским языкам. **Методика исследования** отвечает целям и задачам работы, соотносится с практикой этнолингвистических исследований, полевых исследований языков и диалектов, семантического и словообразовательного анализа отдельных тематических групп лексики, сопоставительных исследований в лексикологии и семасиологии.

Структура работы М.Н.Тоноян отвечает ее задачам. Первая глава имеет обзорно-теоретический характер, что оправдано для той специальности, по которой представлена диссертация, вторая глава характеризует лексический материал хантыйского и селькупского языков (мы не указываем здесь диалекты, изучаемые диссертанткой, поскольку иной диалектный материал в работе не привлекается), третья глава посвящена семантическому аспекту календарно-временной лексики. **Положения, выносимые на защиту** (с.8 автореферата) самостоятельны, адекватны, нетривиальны и вполне приложимы к календарным системам других сибирских языков, например, палеоазиатских. Неплохо сформулированы выводы к каждой из глав и к диссертации в целом. Хорошо написан и автореферат диссертации.

Библиография к диссертации М.Н.Тоноян заслуживает отдельного обсуждения. Она включает 250 публикаций (из них 66 на иностранных языках) и 16 электронных ресурсов. Сам по себе список литературы и электронных ресурсов свидетельствует о хорошей общелингвистической подготовке и солидной начитанности диссертантки в области теории, а также в области хантыйского и селькупского языкознания: эта часть библиографии должна и будет иметь рекомендательный характер для коллег автора. Радует знакомство автора диссертации с трудами финских, венгерских финно-угроведов и самоедологов, знакомство с не переведенными на русский язык теоретическими работами (Хомский, Лакофф, Фирт, Филлмор, Комри, Катц, Лайонз, Сепир, Уорф).

Несомненными и нетривиальными достоинствами диссертационной работы М.Н.Тоноян являются: 1) наличие собственного полевого материала по двум малоизвестным и малоисследованным диалектам хантыйского и селькупского языков, один из которых (селькупский, особенно в южных ареалах проживания селькупов) находится в весьма угрожаемом состоянии; 2) солидная теоретическая подготовка в области общего языкознания, сравнительно-исторического финно-угроведения и самодистики, владение приемами семантического, словообразовательного анализа, приемами сопоставительной лексикологии, знание морфологии уральских языков, владение транскрипцией как в аспекте записи, так и в аспекте прочтения используемых материалов – все вышперечисленное гарантировало получение новых, значимых, ценных и интересных результатов в исследовании календаря и темпоральной лексики в языке избранных автором диалектах хантыйского и селькупского языков. Ценно в сравнительно-историческом плане то, что общим в хантыйском и селькупском языках, похоже, оказывается только слово «вечер». Украшением работы являются ее иллюстрации – карта распространения описываемых диалектов и характеристики структуры лексических групп. Полезны и хорошо составлены Приложения к диссертации, они дают другим исследователям фрейм календарной лексики уральских языков,

который можно пополнять другими фактами. Надо отметить очень хорошее знание автором диссертации работ по этнографии хантов и селькупов: в списке литературы присутствуют публикации, забытые даже специалистами, при этом автор не включает в свой список литературы те источники, которые не содержат интересующего его материала. Учтены автором редко упоминаемые работы А.П.Дульзона. Исследование М.Н.Тоноян создает солидный прецедент для изучения аналогичной проблематики на материале других языков народов Сибири.

При всех названных выше положительных качествах диссертация М.Н.Тоноян вызывает и разнообразные **критические замечания**.

Первое из них связано с тем, что структура работы нам кажется несбалансированной. История вопроса специально не выделена из состояния изученности лексики. Характеристика словообразования - распространенный недочет лексических работ, посвященных отдельным тематическим группам, по языкам Сибири и не только Сибири: еще ни один автор, включивший сведения по словообразованию, суффиксы и их значение, в описание лексики, не смог показать, в чем заключена деривационная специфика избранной им группы. Заключение о том, что в данной группе представлены суффиксация и словосложение, довольно тривиально; такое будет наблюдаться буквально в любой группе хантыйской или мансийской лексики. Тут скорее было бы значимым отсутствие продуктивных словообразовательных моделей в календарной и темпоральной лексике, что характерно, например, для славянских и особенно восточнославянских названий месяцев (например, русское *костричник* связано со словом льноводческим термином *кострика*, *кострица*, но ср. белорусск. *Слава Кастрычніку!* – *Слава Октябрю!*), а также минимум слов с прозрачной мотивировкой.

Второе наше замечание относится к концептуализационным и денотативным нюансам структурирования материала. Фреймы со структурой «Зима-весна-лето-осень» и «утро-день-вечер-ночь» приложимы не ко всем языкам и описывают лексические структуры некоторых языков лишь весьма приблизительно; так, у юкагиров в календаре три весны, у почти всех тунгусов – две весны, у эвенов – две весны и две осени. Такого нет ни у хантов, ни у селькупов – однако границы между сезонами, связанные с фенологическими явлениями, метеорологическими явлениями, наблюдениями над поведением тех или иных животных, хозяйственной практикой, могут не совпадать в разных этнических традициях и давать разные составляющие в микрокомпонентной семантической структуре названий времен года. Автор отзыва в 1980-е годы потратил довольно много сил, выясняя у эвенов, как в природе выражается граница между зимой и ранней весной, между ранней весной и поздней весной, летом и ранней осенью и т.п., и как определяется начало следующего сезона – который вполне может не совпадать с числами календаря, к чему привыкли мы. Это также важная особенность счета времени. Складывается впечатление, что эти проблемы остались без внимания автора. То же самое может быть сказано и о понятийном ряде «утро-день-вечер-ночь», во-первых, этот ряд не универсален (ср. англ. *afternoon*, не имеющее русских соответствий), во-вторых, суточный период в 24 часа делится даже на 4 части по-разному: граница между *puit* и *matin* во французском языке (по крайней мере в этикетке приветствий) не совпадает с русским: где находится граница в употреблении русских *Доброе утро* и *Добрый день* – будут долго выяснять лингвокультурологи. Еще забавнее будет положение с таким указанием на время, как *После обеда*, если его переводить на

европейские языки и те языки, где есть слово обед как индикатор времени дня. – тут комментарии, понятно, излишни. От того, как именно употреблялось слово *день* в русском языке в XIV веке и какой временной отрезок оно обозначало – от полудня до начала заката или от восхода солнца (полного появления солнечного диска из-за горизонта), напрямую зависит трактовка хода Куликовской битвы, в каком часу она началась и в каком часу закончилась. Однозначного решения проблемы тут не усматривается, а историки-медиевисты понимают данные источников в соответствии с современным языковым узусом. Читая пример «Вечером мы поем песни» (с.79 диссертации), хочется задать вопрос – а когда у хантов вечер? С какого часа до какого часа? Любопытно, что у некоторых народов запрещалось петь в темное время суток. Напомним, что и ортодоксальная *суббота* у иудеев не совпадает с временем смены суток, хотя и равняется 24 часам: сборная России по футболу однажды проиграла Израилю в субботу – но в то время, когда шаббат уже закончился. На такие вопросы диссертантке надо бы иметь ответы и надо бы дать соответствующие разъяснения своим читателям.

Третье важное замечание касается самого заполнения поля названий месяцев: нельзя исключать того, что при мотивированности и аналитических образованиях названий месяцев они могут иметь варианты и синонимы, в общем – быть не единичными: – так, Д.В.Герасимова показывала нечто подобное для мансийского языка (сб. *Время и календарь в традиционной культуре*. СПб., РЭМ, 1997), нечто подобное наблюдается в чукотском языке, который дает нам поучительнейший пример вариантности там, где ее не ожидается: в нем известно два варианта числительного «восемь». В этом плане изложение диссертантки как по хантыйскому, так и по селькупскому материалу кажется излишне догматичным, подобная возможность не учитывается.

Местами кажется, что автор подменяет анализ семантики слов этимологическими разысканиями или изложениями (см. с. 74 диссертации и в других местах). Что касается сходства слов «луна и «старик», то мы полагаем, что это все-таки омонимы (восточноэвенское диалектное *аткикан* «луна, месяц» выглядит как дериват от слова «теща», что интриговало исследователей: сходно звучащее слово «луна» нашлось в одном из ительменских словников с уточненным значением «светит», и квазимиф обернулся банальным заимствованием.

Что касается понятия месяца у народов западной Сибири, то здесь можно было бы обратиться к исследованиям Б.А.Фролова, занимавшегося календарем в культурах народов Сибири по археологическим данным – его работы сейчас активно используются сибирскими и дальневосточными археологами и этнографами, вычитывающими лунный календарь из разнообразных артефактов.

Сомнения М.Н.Тоноян насчет существования понятия года (с.132) нам кажутся напрасными. Нам известна только одна система счета времени, где единственной мерой времени являлся лунный месяц (эскимосы, по сообщению Г.А.Ушакова), хотя она поддерживается алтайскими реконструкциями: тунгусо-маньчжурское *аннгани* «год» этимологически с огромной вероятностью тождественно тюркскому *ай* «луна, месяц», при том, что тюркские и монгольские слова для года связываются с одним из названий солнца в тунгусо-маньчжурских языках.

В одном месте диссертации сказано (с.89) что неделя не имеет астрономической основы – на наш взгляд, это неверно: неделя – это половина половины лунного месяца, что соответственно заметно на лунном диске по его присутствию или внешнему виду – половине растущей и стареющей луны.

Гендерные характеристики солнца и луны по мифам (с.82 диссертации) - материал исключительно коварный: они расходятся даже у близкородственных народов и по своему составу вариантов перекрывают все логические возможности (см. Бурыкин А.А. Вера в духов: сколько душ у человека. СПб., 2007). Его нельзя абсолютизировать без выверки и сопоставлений с материалами по другим группам того же этноса и близкородственным этносам.

Из замечаний по теоретической литературе в библиографии – можно было включить в обзор компендиум В.А.Звегинцева «Семасиология» (1964), труды В.Г.Гака, у которого есть книга «Сопоставительная лексикология» (1977), книгу В.Н.Манакина под тем же названием (2004), работы О.Н.Селиверстовой, занимавшейся компонентным анализом. Хорошо было бы хотя бы упомянуть о тамбовской школе когнитивной лингвистики с ее собственным журналом «Вопросы когнитивной лингвистики» («ВопроКоЛ»), о восьмитомной «Антологии концептов» под ред. В.И.Карасика и И.А.Стернина (Волгоград, 2005-2011).

Ссылка на труд М.М.Покровского «Семасиологические исследования в области древних языков» (1895) оформлена с опечаткой в годе и при этом не указано ни переиздание этой известной работы (Покровский М.М. Избранные работы по языкознанию. М., 1959) ни ее репринт 2006 г.

Если автор ориентируется на труды Е.С.Кубряковой по словообразованию, то следовало бы начинать с ее книги «Что такое словообразование» (1965), читаемой до сих пор.

Высказанные замечания, возможно, отражают излишнюю взыскательность оппонента к описаниям материала языков народов Сибири, построенным на полевых исследованиях и ориентированных в сравнительно-историческую перспективу, а равно и повышенное внимание к отдельным частным проблемам этнографии народов Сибири, которыми ему приходилось заниматься – то и другое связано с личным опытом, который, понятно, очень индивидуален. Они не влияют на позитивную во всех отношениях – научном и квалификационном – оценку диссертации М.Н.Тоноян. В этой работе достоинства многократно преобладают над недочетами и поводами для претензий.

Автореферат и 6 публикаций, из них 3 в изданиях, рекомендованных ВАК для апробации диссертационных работ, полностью отражают содержание диссертации М.Н.Тоноян.

Достоверность и обоснованность материалов и результатов работы М.Н.Тоноян определяется достаточным количеством проанализированного лексического материала изученных автором диалектов хантыйского и селькупского языков.

Диссертационная работа М.Н.Тоноян «Календарно-временная лексика восточных диалектов хантыйского языка и южных диалектов селькупского языка в сопоставительном аспекте» представляет собой самостоятельное, оригинальное и

завершенное исследование в области лексики хантыйских и селькупских диалектов и структуры определенных групп лексики хантыйского и селькупского языков. Она вносит весомый вклад в исследование лексического состава малоизученных диалектов обско-угорских и самодийских языков и в описание отдельных фрагментов культуры обско-угорских и самодийских народов.

Эта работа полностью отвечает требованиям пункта 9 «Положения о порядке присуждения ученых степеней» № 842 от 24.09.2013 г., а также всем тем требованиям, которые предъявляются к кандидатским диссертациям. Сама же М.Н.Тоноян определенно заслуживает присуждения ей искомой ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.20 – Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание.

20 августа 2015 года

*Бурыкин Алексей Алексеевич,
доктор филологических наук,
доктор исторических наук,
ведущий научный сотрудник Словарного отдела
Института лингвистических исследований РАН*

Подпись *А. А. Бурыкина*
ст. референт ИЛИ РАН

Санкт-Петербург, 198332, ул Маршала Казакова, дом 28 корп. 1, кв. 11,
тел. 8911-709-1476, albury@rambler.ru
Служ. тел (812) 328-16-11, факс (812) 328-46-11.